

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ

K-0
Д.53

СХИМОНАХА

Ф И Л И П П А ,

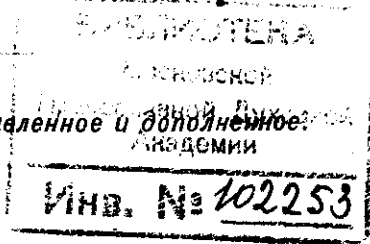
ОСНОВАТЕЛЯ

КИНОВІЙСКОЙ ПУСТЫНИ И ПЕЩЕРЪ ПРИ ГЕОСИМАНСКОМЪ СКИТѢ.

Составилъ Д. С. Дмитріевъ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ СХИМОНАХА ФИЛИППА И ЕГО СЫНОВЕЙ.

Седьмое изданіе, исправленное и дополненное.



СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.

СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1905.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется
Москва, Сентября 1 дня, 1905 г.

Цензоръ, Протоіерей *Александръ Гиляревскій.*



Схимонахъ Филиппъ,
въ монашескомъ одѣяніи, съ посохомъ.



Схимонахъ Филиппъ,
по принятіи схимы, 20 марта 1863 года.



Семейство схим. ФИЛИППА:

- 1) Схимонахъ Филиппъ. 2) Геросхимонахъ Игнатій (бывшій Галактюнъ). 3) Геросхимонахъ Порфирій (бывшій Прокошій). 4) Геросхимонахъ Василиій (бывшій Лазарь).
- 5) Монахиня Епистимія. 6) Послушница Барвара.
- 7) Послушница Сиклителия. 8) Послушникъ Θεодоръ.
- 9) Монахиня Таисія.

I.

Основатель Киновійской обители, что находится близъ Сергіевой Лавры, схимонахъ Филиппъ, родомъ изъ крестьянъ Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда, деревни Стряпковой, въ міру звался Филиппомъ Андреевымъ, по фамиліи Хоревъ; былъ онъ крѣпостнымъ богатой помѣщицы Вожановой, родился 2-го ноября, 1802 года; отца его звали Андреемъ, а мать Февроніей; кромѣ Филиппа у нихъ были еще два сына: Козьма и Теодоръ *). Семья эта была хоть и простая но богобоязненная; съ ранняго возраста отецъ и мать воспитывали дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ и благочестіи. Меньшій сынъ, Филиппъ, будучи подвижникъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ отличался отъ прочихъ крестьянскихъ дѣтей и отъ своихъ родственниковъ необычайною кротостію, почтеніемъ къ роднымъ и старшимъ; любилъ онъ душою и сердцемъ святую Православную церковь и не пропускалъ ни одной церковной службы. Росъ Филиппъ, росла въ немъ и вѣра въ Бога: будучи отъ природы впечатлительнымъ мальчикомъ, не зная грамотѣ (въ то время рѣдко гдѣ были сельскія школы), онъ съ большимъ вниманіемъ вслушивался въ церковное пѣніе и въ чтеніе церковныхъ книгъ, не переставалъ посѣщать церковь, занимаясь и трудными полевыми работами; заслыша призывной церковный колоколъ, Филиппъ оставлялъ свою работу и спѣшилъ въ церковь. Роднымъ же его не могли нравиться частыя его отлучки: на Филиппа родные смотрѣли, какъ на работника, не

*) Впослѣдствіи послушникъ въ Киновійской обители, умеръ въ 1874 году.

понимали, по своей житейской суетѣ, его благихъ намѣреній, ругали его и называли лѣнивымъ парнемъ, дармоѣдомъ.

Ни упреки, ни брань, нерѣдко даже и побои не останавливали молодого Филиппа и не убавляли въ немъ горячей любви къ Богу; онъ переносилъ нападки родныхъ и насмѣшки знакомыхъ съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ. Когда Филиппъ выросъ и возмужалъ, тогда отецъ и мать стали искать подходящую ему невѣсту. Филиппъ и слышать не хотѣлъ про женитьбу, но въ отцовскомъ дому нужна была работница; мать Филиппа устарѣла и не могла управляться одна съ хозяйствомъ; родные стали настойчиво принуждать его къ женитьбѣ и Филиппъ принужденъ былъ согласиться. Ему было 22 года, когда его почти насильно — женили на крестьянской дѣвицѣ Евдокіи Степановой.

Болѣе 10 лѣтъ прожилъ онъ съ своею женою мирно и тихо: въ 1836 году жена Филиппа умерла, оставивъ на попеченіе мужа трехъ сыновей: Игнатія, Порфирія, Василія и дочь Сигклитицію *). (Эти трое его сыновей, состояли іеромонахами при основанной ихъ почившимъ отцомъ обители — Киновіи. Старшій Игнатій, въ монашествѣ Галактіонъ, болѣе двадцати лѣтъ управлялъ обителью; **) второй, Порфирій, въ монашествѣ Прокопій, состоялъ казначеемъ, а младшій, Василій, въ монашествѣ Лазарь, состоялъ въ должности ризничаго и голосовщика).

Остался Филиппъ вдовцомъ съ малолѣтними дѣтьми; смерть жены принесла ему большое горе; къ этому горю присоединилось другое: средняго его сына, Порфирія, господа отдали въ приданое за свою дочь въ другое имѣніе и ему пришлось разстаться съ сыномъ. При жизни жены Филиппъ не оставлялъ своей суровой постнической жизни; скорбя объ ея смерти, онъ находилъ въ церкви утѣшеніе своей страдальческой душѣ: вель жизнь чисто монашескую,

*) Впослѣдствіи она поступила въ Алексѣевскій монастырь и умерла послушницей.

**) Умеръ 14 ноября 1900 года.

подвижническую; удалялся отъ всякихъ сношеній съ односельчанами и родными. Никогда не любившій веселья, теперь онъ даже улыбокѣ не позволялъ появляться на своемъ строгомъ лицѣ. Отецъ и мать, по своей простотѣ, приписали это скукѣ и печали о потерѣ жены и настояли, чтобы онъ женился во второй разъ. Филиппъ съ самыхъ младенческихъ дней любилъ и почиталъ своихъ родителей и никогда ни въ чемъ не прикословилъ имъ и, на этотъ разъ, не желая оскорбить своимъ непослушаніемъ престарѣлыхъ родителей и горячо любя дѣтей, онъ думалъ, что жена будетъ заботиться о его дѣтяхъ и отчасти замѣнитъ имъ родную мать. Филиппъ женился во второй разъ на крестьянской дѣвицѣ Гликеріи Трофимовой. Не смотря на любовь и ласку жены, онъ еще болѣе углубился въ самого себя и повелъ еще болѣе суровую жизнь: постился по нѣсколько дней кряду; спалъ на голой землѣ и на камняхъ и сталъ видимо юродствовать: въ лѣто знойное и въ зиму холодную—всегда ходилъ съ открытой головой, босой, въ одной холщевой, длинной рубахѣ. На него сыпались насмѣшки, упреки, ругань, толчки,—всѣмъ этимъ надѣляли его родные и односельчане; Филиппъ съ христіанскою кротостію все переносилъ, а на брань и упреки отвѣчалъ молчаніемъ. Онъ самъ шелъ на насмѣшки; для чего ходилъ не умытымъ и лохматымъ, а то нарочно маралъ себѣ лицо грязью или дегтемъ. Нерѣдко онъ пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ изъ своего дома, скитаясь по окрестнымъ монастырямъ и церквамъ, а въ густыхъ лѣсахъ онъ искалъ безмолвія и уединенія. Эти отлучки приносили ему большую непріятность и для „вразумленія“ его часто сажали подъ замокъ, въ холодную избу или въ погребъ, подвергали и другимъ наказаніямъ. На вопросы: гдѣ онъ былъ, гдѣ пропадалъ?—богобоязненный Филиппъ ничего не отвѣчалъ: душа его жаждала монашескаго подвига и за эти подвиги называли его „порченнымъ и помѣшаннымъ“ и всячески надъ нимъ глумились и насмѣхались. Вообще, Филиппъ повелъ странную и непонятную его роднымъ

жизнь. Такъ однажды прикащикъ того помѣщика, у котораго Филиппъ былъ крѣпостнымъ, послалъ его вмѣстѣ съ другими жать въ полѣ хлѣбъ. Филиппъ намѣренно поранилъ себѣ серпомъ пальцы; изъ пальцевъ пошла кровь.

— Что ты сдѣлалъ? сурово спросилъ у него прикащикъ.

— А что?—какъ-бы не понимая вопроса проговорилъ Филиппъ.

— Вѣдь ты нарочно въ кровь ранилъ себѣ пальцы?

— Это не кровь, а водка,—твердо отвѣтилъ Филиппъ.

Въ другой разъ увидалъ онъ мужика, который подмазывалъ дегтемъ колеса у телѣжки. Филиппъ, подошелъ къ мужику, показывая на пораненныя о камни и сучья свои босыя ноги, проговорилъ:—молодушка, помазуй мнѣ ходульки-то.

— А зачѣмъ ихъ помазать-то?—спросилъ у него удивленный мужикъ.

— А ноги-то мои будутъ ходчѣе.

Крестьянинъ выполнилъ его желаніе. Такія странности не могли быть пріятны ни помѣщику, ни домашнимъ Филиппа. Много приходилось ему терпѣть брани и упрековъ. Если на него надѣвали новую одежду, то онъ отдавалъ эту одежду первому попавшемуся нищему, мѣняясь съ нимъ его рубищемъ; послѣднимъ кускомъ хлѣба дѣлился онъ съ бѣдняками. Для своихъ родныхъ, Филиппъ становился тяжелымъ бременемъ: въ семьѣ онъ не „добычникъ и не работникъ“. Родные отступились и и пустили его на волю Божію, и вотъ Филиппъ составляетъ ради Христа и домъ, и жену, и дѣтей и идетъ странничать безъ копѣйки денегъ, съ именемъ „блажененькаго.“

II.

Случилось это такъ. Какъ-то лѣтомъ, въ самую страдную пору, всѣ родные Филиппа ушли на работу въ поле, а ему наказали, чтобы онъ занялся приготовленіемъ для нихъ обѣда. Настала обѣденная пора, а Филиппъ не приносилъ обѣда; прошелъ часъ, другой,—его все нѣтъ; прошелъ день. Родные удивлялись, почему онъ не несетъ имъ обѣдъ, наконецъ принуждены были послать за нимъ. Каково же было удивленіе посланнаго, когда сосѣди ему сказали, что они видѣли, какъ Филиппъ приготовилъ обѣдъ и пошелъ съ нимъ на поле, но донесъ только до крайней избы; поставилъ обѣдъ на заваленку, попросилъ хозяйку избы постеречь, пока онъ отлучится не надолго, но назадъ онъ не вернулся. Родные встревожились и стали его разыскивать, спрашивать и на другой день принуждены были заявить объ отсутствіи Филиппа волостному правленію. Со стороны правленія приняты были всѣ мѣры къ его отысканію, но Филиппъ какъ въ воду канулъ: его нигдѣ не находили. На пятый день пришелъ онъ въ свою родную деревню, но домой не шелъ, а, наклонивъ голову и не глядя ни на кого, бродилъ по задворьямъ. Родные привели его домой, стали спрашивать, гдѣ онъ пропадалъ и зачѣмъ ушелъ?—но на всѣ ихъ вопросы Филиппъ не отвѣчалъ ни слова, сколько они ни добивались узнать отъ него хоть что-нибудь.

Съ этихъ поръ онъ совсѣмъ перемѣнился; родные и знакомые не узнавали въ немъ прежняго Филиппа. Въ строгомъ постѣ, вооружившись молитвою и терпѣніемъ, Филиппъ рѣшился на тяжкій подвигъ юрод-

ства Христа ради; онъ отказался отъ самыхъ насущныхъ потребностей, по нѣсколькимъ днямъ часто не вкушалъ пищи, ходилъ босой, почти полунагой; не смотря ни на дождь, ни на холодъ, спалъ подъ открытымъ небомъ и, не довольствуясь тѣмъ, онъ на свое исхудалое тѣло возложилъ тяжелыя вериги.

Изъ жалости и любви жена его и братья переодѣвали Филиппа, обували, наказывая носить одежду и никому не отдавать; но онъ отдавалъ все первому попавшемуся нищему или страннику. Родные и знакомые стали считать его „помутившимся въ умѣ“ и не разъ возили въ село Гришино, къ священнику, который читалъ надъ нимъ молитвы, какъ надъ помѣшаннымъ. Филиппъ, слѣдуя влеченію своего сердца, рѣшился совѣмъ покинуть родную свою деревню. Онъ пошелъ сначала въ городъ Вязники, который находился въ 18 верстахъ отъ его деревни, а оттуда направился по другимъ отдаленнымъ городамъ; побывалъ онъ въ Новгородѣ, Ардатовѣ, Владимірѣ, Кіевѣ, Тулѣ, Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ земли русской. Въ продолженіи 10 лѣтъ переходя изъ одного города въ другой, изъ одной обители въ другую, Филиппъ въ теченіи этого долгаго времени побывалъ почти во всѣхъ обителяхъ нашей пространной Россіи. Усталый, голодный, съ исхудалымъ загорѣлымъ лицомъ, съ босыми ногами, опираясь на свой тяжелый посохъ, странничалъ ради спасенія своей души. Сколько униженій, обидъ, горькихъ насмѣшекъ вытерпѣлъ этотъ простой, русскій человѣкъ!.. Душную тюрьму, тяжелую пересылку по этапу, подъ конвоемъ, вмѣстѣ съ ворами и разбойниками, съ названіемъ „бродяги безпаспортнаго“, переносилъ твердый духомъ подвижникъ, и все это ради Христа! Великъ его подвигъ и велико смиреніе. При арестованіи ему обыкновенно дѣлали вопросы; онъ удивлялъ и приводилъ втупикъ судейскихъ своими отвѣтами. Однажды *) блаженнаго „Филиппушку“, какъ безпаспортнаго, привели въ городъ Ардатовъ къ надзирателю, для

*) Передается со словъ его сыновей—іеромонаховъ.

допроса. Надзиратель, не понимая находчивыхъ и двухсмысленныхъ отвѣтовъ Филиппа, такъ разсердился, что взялъ у него палку и этой палкой ударилъ его до того сильно, что окровавилъ его.

— Что это такое? спросилъ надзиратель, показывая на кровь.

— А это красная водка, которая меня грѣтъ, кротко отвѣтилъ Филиппъ. Въ городъ Арзамасъ дѣлалъ допросъ арестованному Филиппу какой то столоначальникъ, и, вѣроятно, разсерженный двусмысленными его отвѣтами и надѣясь его запугать, съ сердцемъ вырвалъ у него тяжелую палку, съ большимъ трудомъ приподнявъ ее отъ пола, грозно сказалъ ему:

— Слушай, какъ ты смѣешь таскать такую тяжелую палку, вѣдь ты ею легко можешь убить человѣка!

У чиновника, по обыкновенію, было заложено за ухомъ перо.

— Ахъ, братъ мой! вотъ тѣмъ перышкомъ, что торчитъ у тебя изъ-за-уха, ты скорѣй убьешь заразъ нѣсколько людей, чѣмъ я своей палкой, смиренно отвѣчалъ Филиппъ.

Разъ въ Кіевѣ, видя странную одежду на Филиппѣ, полицейскій грубо спросилъ его:

— Откуда ты и куда?

— Я отъ живого царя животомъ далекъ, а къ смертному царю приблизиться не успѣлъ, — кротко отвѣтилъ подвижникъ. Такія слова удивили полицейскаго, онъ спросилъ у него паспортъ.

— У меня нѣтъ отъ смертнаго царя мертвыхъ словъ, а есть отъ живого царя живыя слова, — иносказательно проговорилъ Филиппъ и, вынувъ изъ кармана карты крестовой масти, показалъ ихъ полицейскому.

— Да ты совсѣмъ сумасшедшій, развѣ это паспортъ? Это игральныя карты. — Полицейскій громко засмѣялся.

— Врешь! Крестами играютъ только жида, хриstopродавцы, — а мы христіане, чтемъ святой крестъ и молимся ему. Филиппъ перекрестился и поцѣловалъ подобіе креста на картѣ.

Полицейскій махнулъ рукой и не сталъ больше его спрашивать.

Было зимнее время, на дворѣ стояли сильные морозы. Одинъ изъ духовныхъ лицъ остановился съ удивленіемъ и жалостію предъ Филиппушкой, видя его сидѣвшимъ около церкви на снѣгу, полураздѣтаго, съ босыми ногами, съ непокрытой головой, и спросилъ:

— Какъ ты только терпишь такой жестокой морозъ въ своемъ рубищѣ? А можетъ ты привыкъ къ морозу?

— Стремясь къ небесному чертогу, мы не должны имѣть въ этой жизни ничего, кромѣ одной живой вѣры въ Господа нашего Іисуса Христа; чрезъ него и я, недостойный, получаю большое утѣшеніе, не слышу и не чувствую никакой боли отъ мороза, внушительно отвѣтилъ подвижникъ Филиппъ.

Въ одно изъ своихъ пребываній въ Москвѣ *) Филиппушка съ своимъ старшимъ сыномъ отправился въ Кремль; день былъ праздничный, въ Кремлѣ было много народа. Своимъ страннымъ одѣяніемъ онъ обратилъ на себя вниманіе одного полицейскаго чиновника: юродивый былъ въ длинномъ подрясникѣ, съ непокрытой головой; на ногахъ надѣты босовики, въ рукахъ тяжелая палка съ мѣднымъ голубкомъ.

— Кто ты? грозно спросилъ полицейскій чиновникъ.

— Человѣкъ, по образу и по подобію Божию, смѣло отвѣтилъ Филиппушка,

— Куда идешь?

— Къ царю, обѣдать.

Полицейскій не понялъ двусмысленный отвѣтъ юродиваго. Филиппъ, если шелъ къ обѣднѣ, всегда говорилъ, что идетъ „къ царю обѣдать,“ и приказалъ посадить его въ частный домъ. Сынъ юродиваго шелъ поодаль, и видя, какъ его отца повелъ полицейскій, поспѣшилъ увѣдомить о томъ богатую купчиху Мачихину, которая уважала юродиваго и благодѣтельствовала ему и его семейству.

*) Въ 1845 году, 26 августа, въ этотъ день былъ крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь.

Г. Мачихина не медля отправилась къ графинѣ Т.—графиня тоже лично знала Филиппушку,—и рассказала ей объ арестѣ Филиппушки. Графиня поѣхала къ оберъ-полицеймейстеру и попросила, чтобы юрдиваго выпустили изъ заключенія, и съ приказомъ объ освобожденіи поѣхала въ ту часть, гдѣ сидѣлъ Филиппушка. Немало графиня сдѣлала переполоха между полицейскими своимъ неожиданнымъ появленіемъ въ частномъ домѣ и, когда вошла въ комнату, гдѣ подъ замкомъ сидѣлъ юродивый, то онъ встрѣтилъ ее такими словами:

— А, молодушка, здравствуй, здравствуй! Видишь, куда я попалъ, какъ берегутъ меня тутъ—на замокъ запираютъ.

— А хорошо-ли тебѣ здѣсь было? улыбаясь, спросила графиня.

— Ничего, хорошо, все лучше ада кромѣшняго,— вотъ въ аду, молодушка, куда нехорошо.

Что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Филиппъ обладалъ прозорливостію—это несомнѣнно. Однажды игуменья женскаго Муромскаго монастыря, во время пребыванія въ этомъ монастырѣ Филиппушки, рассказала ему, что въ ихъ монастырь одинъ богатый купецъ пожертвовалъ большой колоколь и вотъ она не знаетъ когда этотъ колоколь привезутъ.

— Недѣль черезъ двѣнадцать вода привезетъ,— проговорилъ тихо Филиппушка.

Игуменья удивилась такимъ словамъ. Колоколь должны были привезти на лошадяхъ. Но слова юрдиваго сбылись въ свое время: колоколь былъ привезенъ, только не на лошадяхъ, а по водѣ. По причинѣ дурной дороги заводчикъ доставилъ его по Окѣ на баркѣ и ровно черезъ двѣнадцать недѣль, какъ говорилъ Филиппушка.

Вотъ еще нѣсколько случаевъ его прозорливости. Какъ то разъ Филиппушка пришелъ въ городъ Вязники и зашелъ въ одно ему знакомое семейство; тамъ его встрѣтили ласково и Филиппушка обратился къ хозяйкѣ съ такими словами:

— Молодушка! дай-ка мнѣ красный платокъ.

Хозяйка съ удивленіемъ подала ему; тогда Филиппъ сталъ молча вытирать платкомъ стѣны и дуть на нихъ.

Черезъ нѣсколько дней этотъ домъ сгорѣлъ. Только тогда поняли, для чего юродивый теръ платкомъ стѣны.

Въ одно время въ городѣ Муромѣ, въ домѣ одного семейства, шло веселье; свадебное пиршество, музыка, пѣсни и пляски собрали у оконъ много любопытныхъ, желавшихъ взглянуть на жениха съ невѣстою. Вотъ съ трудомъ протѣснился къ окну Филиппъ—окно было растворено—и положилъ на окно восковую свѣчку и кусочекъ глины, проговоривъ:

— Пѣть-то пой, а плакать готовься.

Это сочли дурнымъ предзнаменованіемъ, что вскорѣ и оправдалось: молодой спустя нѣсколько дней послѣ своей свадьбы, сильно простудился и умеръ.

У Филиппушки было много недоброжелателей, но на всѣ нападки и оскорбленія съ ихъ стороны никто отъ него не слыхалъ ни одного слова упрека или ропота. Онъ, какъ истинный христіанинъ, ударившему его въ одну ланиту готовъ былъ подставить и другую. До самой своей смерти не переставалъ онъ молиться какъ за своихъ благодѣтелей, такъ и за творившихъ ему зло.

— Дѣлая мнѣ зло видимо, тѣмъ приносили они пользу мнѣ внутреннюю и были моими благодѣтелями, а своей душѣ жестокостію и неправдою—вредили, потому-то и долженъ я молить Бога о ихъ спасеніи, такъ говаривалъ онъ.

Много у него было и почитателей его подвижнической, трудной жизни; встрѣчали его радушно, ласково и давали ему пріютъ, любя „Божьяго человѣка“ и замѣчали, что гдѣ побываетъ Филиппушка, въ томъ домѣ миръ и счастье. Богъ не оставлялъ безъ награды тѣхъ, кто принималъ и любилъ странника, который ради Христа оставилъ все,—и домъ, и жену, и дѣтей.

III,

Знаменитый іерархъ, митрополитъ Московскій Филаретъ, обратилъ свое архипастырское вниманіе на подвижничество Филиппа; въ 1847 году получилъ онъ благословеніе и дозволеніе пожить въ Троицкой Лаврѣ. По этому поводу, вотъ что писалъ незабвенный митрополитъ своему другу, архимандриту Антонію, намѣстнику Лавры: „Богъ благословитъ раба Своего, Филиппа, и да сотворитъ благое душѣ его *).

Но немного пожилъ Филиппъ въ Лаврѣ. Душа его искала безмолвія и уединенія. Лавра Сергіева, съ ея тысячами богомольцевъ и многолюдствомъ братіи, не удовлетворяла его подвижнической жизни.

Вблизи только что основаннаго Геосиманскаго скита, въ густой лѣсной чащѣ, за прудомъ, позади скита стояла ветхая, полуразрушенная лѣсная сторожка. Въ ней-то и поселился, съ благословенія архимандрита Антонія, подвижникъ Филиппъ, среди дремучаго лѣса, весь отдавшись молитвѣ и суровому монашескому подвигу.—Лѣтомъ вокругъ его келійки природа разстлала свой чудный коверъ; небольшая луговина, на которой стояла келья, сплошь была покрыта высокою травой и различными полевыми цвѣтами. Подвижникъ, удаляясь въ лѣсъ, думалъ вести жизнь свою въ безмолвіи, но народъ почитая Филиппушку за его подвижническую жизнь, смотря на него какъ на прозорливаго старца, толпами стекался къ нему и нарушалъ безмолвіе пустыни. Подвижникъ съ христіанскимъ смиреніемъ принималъ своихъ непрощенныхъ гостей, съ ласковой улыбкой говорилъ онъ каждому „съ ангеломъ, съ ангеломъ, съ Христовымъ вѣстникомъ.“

Однажды Филиппъ пришелъ изъ своей пустыньки

*) Письма митрополита Московскаго Филарета къ архимандриту Антонію

въ шумную Лавру и обратился къ намѣстнику Лавры, архимандриту Антонію, съ такими словами:

— Благослови меня, широкій *), выкопать погребъ.

— Зачѣмъ-же тебѣ понадобился погребъ? удивился намѣстникъ.

— А ты ужь только благослови, погребокъ намъ нуженъ.

— Ну, Богъ благословить, копай!

Филиппъ, по возвращеніи въ пустыньку, сталъ съ своимъ послушникомъ Митрофаномъ копать глубокую, квадратную яму. Когда яма была вырыта, онъ началъ рыть землю далѣе, корридоромъ, въ родѣ пещеръ Кіево-печерскихъ. Все свободное отъ богослуженія время проводили они въ рытіи пещеръ. Не легкоъ былъ этотъ трудъ: землю выносили на себѣ въ мѣшкахъ; пещерныя стѣны безпрестанно обсыпались; пещерники принуждены были досками и подпорками удерживать вывалившуюся землю.

Нельзя обойти молчаніемъ замѣчательный случай, происшедшій въ пещерахъ **). Во время одного вечерняго правила—двое изъ пещерниковъ—Митрофанъ и Андрей—видѣли какъ-бы ангела, который пронесъ надъ ихъ головами два вѣнца.

Пещерники непременно рассказали о томъ своему наставнику Филиппу: тотъ отвѣчалъ имъ на ихъ рассказъ такими кроткими словами:

— Воля Божія, молитесь!

На другой день при рытіи пещеръ они были засыпаны на смерть. Одинъ изъ скитскихъ старцевъ, нелюбившій Филиппа, набросился на него цѣлымъ потокомъ упрековъ и грозилъ, что пещеры будутъ засыпаны. Но намѣстникъ Лавры, архимандритъ Антоній, успокоилъ подвижника, находя его ни въ чемъ невиновнымъ. А приснопамятный великій іерархъ Филаретъ, по этому поводу, вотъ что писалъ намѣстнику Антонію: „не безъ слезъ пропѣлось мнѣ: „со святыми упокой, Христе, души рабъ Твоихъ, Митрофана и Андрея“. Можно вѣрить, что Господь принялъ доброе

*) Такъ называлъ онъ архимандрита Антонія.

***) Въ октябрѣ 1847 года.

начало ихъ подвига, какъ совершеніе; но печаленъ случай ихъ кончины по отношенію къ другимъ, которые, не зная, что Господь уготовалъ ихъ къ преставленію, смутятся въ помыслахъ о подвижничествѣ *), Господь дастъ слышащимъ о семъ доброе разумѣніе подвига и наставленіе содержать себя въ готовности къ смерти неожиданно близкой" **). Такъ положено было основаніе пещеръ ***). Въ небольшой квадратной подземной пещерѣ, подвижникъ Филиппъ съ своими сотрудниками сталъ совершать молитвы и читать правила. Владыко Филаретъ послалъ свое благословеніе пещерникамъ: „Господь да просвѣщаетъ ищущихъ Его въ темнотѣ пещерной,“ писалъ онъ намѣстнику Антонію.

Время отъ времени пещеры выкапывались; въ нихъ стали совершать утреню и полунощницу. Около Филиппа стали собираться монашествующіе, ищущіе безмолвія и уединенія. У большой пещеры стали дѣлать подземные ходы и въ нихъ отдѣльныя пещерки, въ видѣ келій. Богослуженіе совершали пещерники продолжительное: они пѣли псалмы по правилу св. Пахомія Великаго—утреню и полунощницу. Вотъ что писалъ про богослуженіе пещерниковъ митрополитъ Филаретъ къ архимандриту Антонію: „вы говорите, что совершенно не видите отступленія отъ церковнаго чиноположенія въ молитвословіяхъ пещерниковъ. Спорить не стану, но вотъ ваши слова: начинаютъ полунощницу, поютъ дванадесять псалмовъ, на каждомъ стихѣ трижды „аллилуіа“, поютъ осьмую пѣснь пророческую и проч. ****). Въ чиноположеніи церковномъ послѣ полунощницы слѣдуютъ два псалма утренніе, шестопсалміе, каѳизмы и каноны, начиная отъ первой пѣсни, а не осьмая только и девятая пѣснь. Слѣдовательно, описанное молитвословіе есть

*) Т. е. не смутились бы смертію безъ напутствія, не разумѣя напутствія—уготовленія видѣніемъ.

***) Письма митрополита Московскаго Филарета къ архимандриту Антонію.

****) Въ пещерахъ взрытыхъ трудами старца Филиппа и его сыновей, прославился въ 1869 г. своими чудесами Черниговской образъ Богоматери.

*****) Курсивъ въ подлинникѣ.

составленное по личному разсужденію, а не послѣдованіе въ простотѣ церковному чиноположенію“.

Спустя три года, какъ въ пещерахъ поселился Филиппъ, къ нему пришли двое его сыновей: Игнатій и Василій. Они, по примѣру своего отца-подвижника, тоже горѣли желаніемъ подвижничества и были приняты въ пещерники, не смотря на то, что старшій Игнатій былъ женатъ, но его жена тоже вступила послушницей въ Зосимовскую пустынь *), а спустя еще годъ къ Филиппу пришелъ и третій его сынъ, Порфирій; его сыновья были крѣпостные и не малыхъ трудовъ стоило Филиппу сдѣлать ихъ вольными; благодаря помощи нѣкоторыхъ важныхъ лицъ это ему удалось въ 1850 году; Филиппъ и три его сына зачислены указомъ послушниками Геосиманскаго скита.

Всѣ они жили въ пещерахъ, ихъ трудами ископанныхъ: каждая такая пещера имѣла не болѣе сажени въ ширину и длину, печей не было; зимою пещерники нагрѣвали ихъ своимъ дыханіемъ и лампадами, горѣвшими въ ихъ келліяхъ.

Старецъ Филиппъ не умѣлъ читать. На убѣжденія намѣстника Лавры архимандрита Антонія поучиться грамотѣ, отвѣчалъ какъ-то уклончиво: „мнѣ уже поздно учиться“; настоящею же причиною его не желанія учиться грамотѣ—было опасеніе, чтобы на него не возложили сана іеромонаха, чего Филиппъ не желалъ по смиренію. Сыновья его обучались грамотѣ, живя съ нимъ въ пещерахъ; съ ними еще жило нѣсколько послушниковъ, которыхъ старецъ принималъ не иначе, какъ чтобы каждый самъ ископалъ себѣ келлію. Такимъ образомъ, мало-по-малу, образовалось небольшое пустынножительное братство.

По первому звону небольшого колокола, который висѣлъ въ пещерномъ корридорѣ, пещерники собирались на молитву въ среднюю большую пещеру, гдѣ впослѣдствіи находилась церковь во имя Архангела Михаила. Церковь эта освящена въ 1851 году, сентября 27-го, митрополитомъ Филаретомъ.

*) Подольскаго уѣзда.

IV.

Изъ пещеръ Филиппъ нерѣдко ходилъ въ Лавру. Тутъ на Красной площади или у монастырскихъ воротъ постоянно его окружала масса богомольцевъ, пришедшихъ со всѣхъ мѣстъ Россіи поклониться великому угоднику Сергію; богомольцы слышали и про подвижническую жизнь „Филиппушки блаженненькаго“; на него смотрѣли, какъ на прозорливаго старца, тѣснились около него, рассказывали ему про свои нужды, прося его совѣта. Въ простыхъ, нерѣдко двусмысленныхъ, отвѣтахъ подвижника видна была прозорливость. Да и кто изъ москвичей не помнитъ человѣка, средняго роста, съ длинной окладистой бородой, съ добрымъ, ласковымъ взглядомъ его очень выразительныхъ глазъ, въ монашескомъ одѣяніи и почти съ пудовымъ посохомъ, на которомъ прикрѣпленъ былъ литой мѣдный голубь *); съ этимъ посохомъ Филиппъ ни на минуту не разставался. Каждое его слово принималось какъ слово прозорливаго, святаго человѣка и высоко цѣнилось простымъ народомъ. Его почитатели слѣдили за его добрымъ совѣтомъ; безъ его благословенія не начинали никакого дѣла. Для угнетенныхъ и скорбныхъ Филиппъ являлся утѣшителемъ, наставникомъ; его простыя рѣчи, дышавшія любовью и вѣрой, укрѣпляли скорбный ихъ духъ. „Съ ангеломъ, съ ангеломъ, съ Божіимъ вѣстникомъ!“—привѣтствовалъ онъ всѣхъ, обращаясь въ разныя стороны. Народъ съ любовью слушалъ „Фи-

*) Посохъ этотъ и вервги находились у могилы подвижника, но теперь хранятся въ стеклянномъ шкафѣ въ келіи почившаго старца.

липушку, человѣка Божьяго“, слушали его мягкія, образныя, полныя глубокаго христіанскаго значенія, рѣчи. Каждый, имѣвшій какую либо скорбь на душѣ, старался хоть что нибудь услышать отъ него себѣ въ утѣшеніе и назиданіе. Утѣшенные, увѣренные, что „его устами слова съ неба идутъ“, расходились толпы народныя и новыя толпы являлись къ Филиппушкѣ. Нерѣдко посѣщали старца-подвижника и въ его пещерной обители люди привилегированнаго сословія; такъ, однажды, къ нему явились пріѣхавшіе въ Лавру изъ Петербурга какія-то свѣтскія лица, занимавшіе видное положеніе въ Петербургѣ. Старецъ принялъ ихъ радушно.

— Съ ангеломъ, съ ангеломъ! говорилъ онъ,—вы изъ безгрѣшной деревни? такъ онъ звалъ Петербургъ.

Гости не поняли его вопроса, и Филиппъ спросилъ въ другой разъ.

— Вы изъ Петербурга?

— Да, мы петербургскіе, отвѣтили ему.

— А вы пятницу и среду-то варите-ли? спросилъ улыбаясь Филиппъ; „среда-то горяча, а пятница еще горячѣе“.

— Мы не понимаемъ, о чемъ вы говорите, отвѣтили посѣтителі.

Тогда Филиппъ спросилъ ихъ прямо, постятся ли они по средамъ и пятницамъ?

— Мы не знаемъ, что за грѣхъ въ среду и пятницу скоромное есть. Кажется, въ этомъ грѣха нѣтъ.

Филиппъ обличилъ ихъ и далъ спасительный совѣтъ хранить среду и пятокъ въ постѣ, по уставу православной Церкви. О постѣ въ среду и пятницу вотъ что писалъ онъ пріѣзжавшимъ къ нему петербургскимъ гостямъ,—прилагаю все письмо цѣликомъ, какъ образецъ его иносказательнаго слога.

„Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе Сыне Божій нашъ, помилуй насъ!“

„Съ ангеломъ, молодушка, съ ангеломъ пребывать и душу оживлять и келлію очищать, а царя поджидать! Хорошіе христіане каждую минуту царя поджидали; а среду и пятницу варили, среда—по-горя-

чѣе, а пятница по-скуднѣе; пятница—добро въ царство небесное ввело: хорошіе христіане это соблюдали, а себя каждую минуту искали, а то живемъ въ бревнѣ, а душа въ огнѣ.

„Хорошіе христіане всѣ на полосу свою смотрѣли, на своей полосѣ пшеницу разсѣвали и пшеницу эту водой поливали и съ этимъ хлѣбомъ въ Іерусалимѣ ходили, ангеловъ и пророковъ искали и одежду шивали и къ царю на обѣдъ ходили. У царя обѣдъ хорошъ сотворенъ, вода-то по жерновъ, а камни по зерно.

„Хорошіе христіане этого хлѣба вкушали и съ этимъ хлѣбомъ не умирали. Ну, молодушка, гуляй, только не поздай, дни и часы не теряй, пока время есть. Когда я дорогой гулялъ, аль когда странствовалъ и спросилъ въ Іерусалимѣ дорогу, и встрѣтилась мнѣ на дорогѣ неправда да лѣнь, и рассказала мнѣ неправда: ты, говоритъ, пойдешь, да къ столбу придешь и у этого столба пса обрѣтешь.

„Спросилъ я у лѣнности, лѣнность отвѣтила мнѣ: у этого, говоритъ, столба, когда дойдешь, сокола обрѣтешь, но дошедши до этого столба и забылъ: память грѣхи съѣли и вздумалось мнѣ,—„а молъ сокола-то поймаю да въ Іерусалимѣ внесу и память найду“. За мѣсто сокола-то и ловлю пса.

„Мужикъ, молодушка, подошедъ и спросилъ: что ты ловишь? Я ему отвѣтилъ, что сокола ловлю. Какой, говоритъ, это соколъ, это, говоритъ, песь; ну кабы ты говоритъ, въ Іерусалимѣ-то внесъ, за это, говоритъ, осудился бы ты и въ здѣшнемъ и въ будущемъ; ты, говоритъ, поди въ Іерусалимѣ да послушай ангеловъ, пророковъ и апостоловъ. Пришелъ въ Іерусалимѣ ангеловъ, пророковъ и апостоловъ слушать, и увидалъ въ Іерусалимѣ-то осла гладкаго и пожелалось мнѣ поймать его, и апостоловъ, пророковъ и мучениковъ всѣхъ оставилъ, а за нимъ побѣжалъ; вывелъ меня въ поле, а въ полѣ-то хлѣвы подѣланы, а въ хлѣвахъ-то набралось столько змѣй да лягушекъ, я и устрашился взойти въ хлѣвъ за этимъ осломъ. Я было обратился въ Іерусалимѣ, но дорогу потерялъ.

Мужикъ, молодушка, мнѣ и объясняетъ: напрасно ты забѣжалъ, и дорогу потерялъ, онъ обо мнѣ позаботился. Мужикъ указалъ дорогу истинную и указалъ гору; поди, говорить, къ горѣ; въ ней покопай, тамъ лежитъ цвѣтокъ-камень, возьми и помой этотъ камень, хорошіе христіане этотъ камень въ горѣ копали и свѣтъ увидали, и азбуку познали, и всѣ ее въ рукахъ держали, вотъ, молодушка, вы тамъ, въ своей безгрѣшной деревнѣ, на свое состояніе вы къ преподобному не гуляйте, виноградный садъ не покупайте, у насъ въ Киновіи есть близъ скита, продается садъ виноградный, не можно-ли его на свое состояніе купить? Въ этомъ саду поставлены клѣтки и наловлены птички и время приходитъ и этотъ садъ посѣкается и въ огонь его древа вметаются, а эти птички сокрушаются, что сада не будетъ и въ трудномъ положеніи находятся птички. На этотъ садъ милостыню воздать, что вамъ Богъ благословитъ! Молодушка, на милостыни заговѣнья нѣтъ. Милостыня не умираетъ; она мертвыхъ воскрешаетъ. Милостыня лѣности не знаетъ, къ царю она скоро влетаетъ. Ну, съ ангеломъ пребывайте, а вѣру, надежду и любовь въ горницу вводите.

Пишу грѣшный схимонахъ Филаретъ *).

Иногда же Филиппъ оставялъ свое уединеніе и отправлялся въ Москву. Митрополитъ Филаретъ много заботился о подвижникѣ, что видно изъ его писемъ къ намѣстнику Антонію. Вотъ что митрополитъ пишетъ: „Спрашивалъ я крестовскаго протоіерея, не онъ ли, и какъ отправилъ въ тюрьму странника. Онъ сказалъ, что странникъ, передъ всенощною, явился въ церковь съ жезломъ, увѣшанный лентами, и стоялъ въ углу окруженный народомъ. На другой день странникъ опять пришелъ, сѣлъ на паперти, что-то ѣлъ и народъ опять окружилъ его. Отсюда взяли его въ частный домъ. Кажется, надобно посовѣтовать Филиппу удерживаться отъ такихъ поступковъ, которыми онъ какъ бы самъ себя выставляетъ на зрѣлище. На-

*) Писалъ онъ это письмо будучи уже схимонахомъ.

добно терпѣть искушеніе, когда оно найдетъ, а не вводитъ самого себя въ искушеніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ другихъ, когда намъ заповѣдано молиться: „не введи насъ во искушеніе“. Въ другой разъ митрополитъ пишетъ: „Филиппа Богъ благословитъ совершить путешествіе. Но поговорите ему, чтобы не домогался быть взятъ подъ арестъ, а если это ему нравится, сказалъ бы намъ, и мы арестовали бы его съ любовью, а не съ гнѣвомъ, какъ полиція“.

Изъ частныхъ его посѣтителей иные, особенно женщины, въ простотѣ сердца почитали его всезнающаго прозорливаго старца и давали ему такіе вопросы:

— Скажи, батюшка, какъ мои дѣти-то живутъ дома, живы ли они,—вѣдь я вотъ уже два мѣсяца вышла изъ своей деревни?

— Какая ты глупая баба, скажетъ бывало подвижникъ,—ну посуди ты сама развѣ Богъ-то мнѣ пріятель какой, что ты посылаешь меня къ Нему спрашивать про твоихъ дѣтокъ? Молись—и будутъ здоровы“.

Говорятъ,—одна образованная дама обратилась къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Батюшка! что мнѣ дѣлать? я очень на языкъ не воздержна.

— А ты зубы-то на базаръ продай: а языкъ на говядину искроши (заставь его молчать); купи рѣшето и просѣвай воду (изливай слезы) и поливай въ лукъ медомъ и (т. е. терпи скорбь съ радостію), а траву „не тронь-меня“ (самолюбіе) по-чаще выщипывай, чтобы не заростала. Есть еще трава повалика (гордость), растетъ не велика (незамѣтно), и много путаетъ. Вотъ какъ эти двѣ травы-то соберутся да сплетутся, то и бѣда, а если все претерпимъ, то все и побѣдимъ,—отвѣтилъ ей на это старецъ.

Отказываясь, такимъ образомъ, служить удовлетворенію празднаго любопытства, Филиппъ тѣмъ не менѣе обнаруживалъ въ себѣ даръ прозорливости, когда это служило къ славѣ Божіей. Такъ однажды онъ встрѣтилъ въ скиту гимназиста лѣтъ 18-ти, именемъ Леонида, сына извѣстнаго Московскаго доктора Гофмана, и сказалъ ему ласково:—Монахъ, монахъ

будешь, будешь монахъ“. Скоро гимназистъ окончилъ курсъ, поступилъ въ Геосиманскій скитъ и былъ въ Лаврѣ іеромонахомъ.

Какъ-то разъ пришли къ нему двѣ женщины и каждая желала узнать свое будущее. Старецъ ничего не сказалъ имъ: только одной далъ узелъ просфоръ, а другой узелъ песку. И что-же?

Послѣдняя чрезъ годъ овдовѣла, а первая живетъ счастливо и по-нынѣ.

Строгая подвижническая жизнь, постная малопитательная пища, пещерный сырой воздухъ, ношеніе тяжелыхъ веригъ и посоха—все это сильно пошатнуло, хотя и крѣпкое, здоровье Филиппа. Онъ сталъ часто и опасно прихварывать. Митрополитъ Филаретъ, любя старца, уважая его за подвижническую жизнь, душевно заботился о здоровьи Филиппа и по этому поводу писалъ Антонію, намѣстнику Лавры: „рабу Филиппу и сопребывающимъ Божіе благословеніе призываю, а ему—облегченіе отъ болѣзни“. Отецъ-намѣстникъ посовѣтовалъ старцу принять монашество. Филиппъ съ радостію согласился и надъ нимъ, почти умирающимъ, совершенно было постриженіе съ именемъ Филарета, въ честь его благодѣтеля и наставника митрополита Филарета, котораго онъ называлъ бѣлымъ ангеломъ. Рассказываютъ, что въ день пострига Филиппъ лежалъ въ своей пещерѣ почти безъ движенія, съ закрытыми глазами. Кругомъ былъ полумракъ; сыновья подвижника окружали умирающаго отца и тихо плакали. Вотъ входитъ архимандритъ Антоній; за нимъ несутъ монахи все нужное для постриженія; больной старецъ вдругъ открываетъ глаза, внятно отвѣчаетъ на вопросы архимандрита, твердо читаетъ молитвы и произноситъ монашескіе обѣты. Едва только совершили надъ нимъ обрядъ постриженія, какъ онъ опять впалъ въ безпамятство.

Филаретъ скоро оправился отъ болѣзни и про свое постриженіе такъ рассказывалъ своимъ приближеннымъ: „Въ ту самую минуту, когда входилъ въ пещеру отецъ намѣстникъ для моего пострига, я ничего не помнилъ, а видѣлъ себя будто въ глубокомъ

снѣжномъ сугробѣ и, сколько ни силился выбраться изъ этого сугроба, никакъ не могъ. Вотъ къ самому краю сугроба подходитъ будто отецъ-намѣстникъ, протягиваетъ мнѣ руки и вытаскиваетъ изъ снѣжнаго сугроба. Очнулся я и вижу: батюшка-то Антоній постригать меня пришелъ“.

Послѣ своего постриженія старецъ окончательно оставилъ юродство: когда владыка Филаретъ благословлялъ его на новую монашескую жизнь и запретилъ ему ходить босымъ, то старецъ добродушно замѣтилъ:

— Владыко святой! обуваться я больно лѣнивъ.

Старецъ - подвижникъ недолго прожилъ въ пещерахъ, ископанныхъ его трудами; у него много было клеветниковъ и завистниковъ; даже изъ пещерной братіи нашелся одинъ изъ нихъ такой *), который забывъ стыдъ и страхъ, сталъ доносить на своего старца-учителя разныя клеветы, одна одной несбыточнѣе,—эта клевета дошла и до намѣстника Лавры архимандрита Антонія. Пещерники неудовольствіе свое на томъ основывали, что къ старцу ходитъ много народа и нарушаетъ безмолвіе ихъ пещерной жизни.

Скитская братія, во главѣ съ своимъ игуменомъ, тоже недоброжелательно относилась къ пещерникамъ и въ особенности къ Филарету. Намѣстникъ Лавры, сколько могъ, старался умиротворить враждующихъ, но скитскіе и пещерники стали настоятельно его просить, чтобы онъ взялъ отъ нихъ Филарета.

Тогда намѣстникъ посовѣтовалъ старцу оставить пещеры и переселиться куда въ Лавру, обѣщая ему построить келлію, гдѣ онъ изберетъ мѣсто, въ окрестностяхъ Лавры. Филаретъ смиренно и съ любовью повиновался, ушелъ изъ пещеры, взявъ съ собою и сыновей.

И когда знакомые, незнавшіе въ чемъ дѣло, стали его спрашивать, почему оставилъ онъ пещеры?

— Съ землею не—ужился, разбранился—съ унылой улыбкой иносказательно отвѣчалъ старецъ.

Въ Лаврѣ у Филарета явилось желаніе сходить

*) Этотъ послушникъ скоро умеръ, принявъ по неосторожности отравленную лепешку, которую его товарищъ приготовилъ съ мышьякомъ для мышей.

пѣшкомъ въ Кіевъ, поклониться св. кіевопечерскимъ угодникамъ, но сильная болѣзнь въ ногахъ не позволила ему исполнить это путешествіе.

— Стало быть, нѣтъ на это Божіей воли,—кратко говорилъ старецъ.

Прошло мѣсяца три, какъ Филаретъ оставилъ пещеры. Все это время онъ жилъ въ Лаврѣ. Шумъ многолюдной обители тяготилъ его, душа его жаждала безмолвія и уединенія. Обходя лаврскіе лѣса, онъ остановился мыслію на прекрасномъ мѣстѣ, недалеко отъ пещеръ, гдѣ скитскій прудъ раздѣляется на два залива узкимъ мысомъ пригорка. Здѣсь-то отецъ Филиппъ рѣшилъ поселиться съ своими сыновьями. Намѣстникъ Лавры распорядился построить ему небольшую келлію на берегу пруда, близъ мостика, который сдѣланъ былъ для пѣшеходовъ изъ пещеръ въ Лавру.

На чердакѣ кельи *) они совершали свое обычное правило и церковныя службы: вычитывали сами утреню, часы и вечерню. Впослѣдствіи былъ построенъ деревянный сарай, въ одной половинѣ котораго была устроена часовня, а въ другой клали дрова.

Между тѣмъ, почитатели отца Филарета нашли его и здѣсь.

Отовсюду сходились къ нему какъ окрестные жители, такъ и богомольцы, желавшіе увидать старца и насладиться его бесѣдою.

Въ 1858 году, московская купчиха Логинова, почитавшая отца Филарета, изъявила желаніе построить каменную церковь, а пока на это послѣдуетъ разрѣшеніе, построена была каменная часовня. Намѣреніе построить церковь встрѣтило затрудненіе со стороны митрополита Филарета. Осторожный архипастырь не рѣшился дозволить построеніе храма на новомъ мѣстѣ, изъ опасенія, чтобы отъ умноженія обителей вокругъ скита не возникло какихъ-либо новыхъ затрудненій.

Отецъ Филаретъ, съ своей стороны, вполне пре-

*) Этотъ домикъ существуетъ до настоящаго времени и желающіе его осматривать заявляютъ о томъ отцу ризничему.

доставлялъ это волѣ Божіей, хотя и высказывалъ владыкѣ желаніе имѣть храмъ близъ своей кельи. Митрополитъ Филаретъ наконецъ далъ свое согласіе. Случилось это такъ: владыка жилъ въ скиту и наканунѣ празднованія чудотворной иконѣ Боголюбской Богоматери, въ честь Которой старецъ хотѣлъ построить храмъ, онъ отправился въ скитъ просить благословенія у владыки отслужить въ своей часовнѣ всенощную.

— А какой завтра праздникъ? спросилъ митрополитъ у старца.

— Боголюбской Божіей Матери, отвѣчалъ старецъ.

— Какъ же это могъ я забыть? или память стала измѣнять мнѣ.—Что же, пойте всенощную, я благословляю. А во имя кого ты хочешь построить храмъ? вдругъ спросилъ митрополитъ.

— Во имя Боголюбской Богоматери, если благословишь, святой владыка.

— Начинай, благословляю, нѣсколько подумавъ, тихо проговорилъ святитель.

Подвижникъ земно благодарилъ митрополита, радостнымъ и веселымъ возвратился въ свою тихую пустыньку.

Храмъ былъ построенъ и 27-го сентября 1859 года митрополитъ Филаретъ самъ совершилъ освященіе верхней церкви въ честь иконы Боголюбской Божіей Матери, а 5 ноября, того же года, намѣстникомъ Лавры освящена и нижняя церковь во имя преподобной Матроны и св. мученицы Капитолины, имена коихъ носили храмовладельница и ея дочь.

При церкви построены были братскія кельи. Такъ основалась „Киновія“ или „Боголюбивая пустынь“.

Впослѣдствіи тамъ устроено было кладбище для лаврской братіи, на южномъ пригоркѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ водою скитскаго пруда, а съ четвертой примыкающаго къ Киновіи.

Спустя нѣсколько времени, все три сына старца приняли монашество; первымъ принялъ монашество Порфирій, съ именемъ Прокопія, затѣмъ и другіе два: Игнатій съ именемъ Галактіона и младшій Василій

съ именемъ Лазаря. Старшаго Игнатія постригли въ одинъ и тотъ же день и часъ съ бывшей его женой Елизаветой; надъ Игнатіемъ совершенъ былъ обрядъ постриженія архимандритомъ Антоніемъ въ церкви Боголюбской Божіей Матери, а надъ Елизаветой лаврскимъ казначеемъ Мелетіемъ въ пещерной церкви.

Слава смиреннаго подвижника росла все болѣе и болѣе и наконецъ достигла до высокихъ особъ Царствующаго Дома. Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ посѣтилъ въ сентябрѣ 1855 года Сергіеву Лавру и скитъ съ пещерами, пожелавъ видѣть и отца Филарета. Увидѣвъ на немъ монашескую одежду, Государь спросилъ:

— Да, ты уже теперъ монахъ?

— Не знаю, монахъ-ли, великій государь, кротко отвѣчалъ старецъ, хотѣлось бы монахомъ-то быть хоть одинъ часокъ.

Говорятъ также, что одинъ изъ придворныхъ, видѣвшій его прежде въ подрясникѣ, встрѣтившись съ нимъ спросилъ: давно ли онъ монахомъ сталъ?

— Память грѣхи съѣли, забылъ, хотѣлъ было встать пораньше на базарѣ грѣхи продать, да и проспалъ, отвѣтилъ отецъ Филаретъ.

Послѣ пещерныхъ трудовъ и опасной болѣзни, во время которой онъ былъ постриженъ въ монашество, здоровье отца Филарета значительно ухудшилось. Отъ тяжелаго посоха у него была сильная ломота въ рукахъ, отъ веригъ болѣла грудь, а отъ сырости подземной кельи развилась мало-по-малу водянка.

Лучшія условія новаго жилища не возвратили ему потеряннаго здоровья. Зимой 1863 года болѣзнь до того усилилась, что старецъ въ ожиданіи скорой кончины, принялъ схиму (20 марта 1863 года); причемъ ему возвращено прежнее имя Филиппа. Но Промыслъ Божій не покидалъ старца, онъ выздоровѣлъ и снова долженъ былъ нести свой тяжкій крестъ: завистники-недрузи не оставили подвижника и на самомъ закатѣ дней его труженической жизни.

Въ 1867 году распустили слухи, будто въ Киновіи старца дѣлаются фальшивые кредитные билеты.

Не смотря на всю нелѣпость клеветы, нашлись люди, которые повѣрили слуху. Скитское духовное начальство сочло нужнымъ обыскать келью схимонаха Филиппа; разумѣется, въ ней ничего не нашли подозрительнаго и старецъ вышелъ чистымъ изъ этой низкой клеветы. Святитель Московскій ни на одну іоту не вѣрилъ клеветѣ. Онъ ясно понималъ, что эта скорбь прилагается Филиппу не безъ особаго промысленія свыше.

Тѣмъ не менѣе, чтобы удалить соблазнъ и прекратить молву, онъ далъ совѣтъ старцу на время оставить созданную его трудами обитель и перейти въ какой нибудь другой монастырь. Старецъ взялъ съ собою сыновей (изъ которыхъ Галактіонъ и Прокопій тогда были уже іеромонахами, а Лазарь—іеродиакономъ) и отправился съ ними въ московскій Симоновъ монастырь, а потомъ въ тульскій Богородичный и наконецъ въ Введенскую пустынь, близъ г. Покрова, Владимірской губерніи. Здѣсь приняли ихъ радушно и настоятель отвелъ имъ уединенное мѣсто на одномъ островѣ для ихъ пребыванія, гдѣ и хотѣлъ со временемъ устроить небольшой скитъ. Но родная для нихъ Боголюбская Киновія влекла ихъ къ себѣ, и въ началѣ 1868 года, они все возвратились подъ ея кровъ, принятые съ любовію отцомъ намѣстникомъ Антоніемъ. Но не долго пожилъ старецъ въ любимомъ уединеніи.

Удрученный трудами и скорбями, Филиппъ, а также и старостию (ему было тогда 66 лѣтъ) въ началѣ мая мѣсяца слегъ, а 18 мая въ 5 часовъ утра схимонахъ Филиппъ попросилъ къ себѣ своего духовника, скитскаго іеромонаха о. Тихона: исповѣдался и изъ рукъ своего сына іеромонаха Прокопія причастился Св. Христовыхъ Таинъ. Въ самый полдень онъ мирно скончался на рукахъ своихъ сыновей.

На его погребеніе, которое совершалъ намѣстникъ Лавры Антоній съ 12 іеромонахами, собралась такая масса народа, что просторный храмъ не вмѣстилъ и половины пришедшихъ отдать послѣдній долгъ въ Божь почившему схимонаху Филиппу.

Погребенъ схимонахъ Филиппъ въ нижнемъ Кино-

війскомъ храмъ за правымъ клиросомъ, въ склепѣ, надъ могилой находится надгробіе, окруженное изящной рѣшеткой.

Киновійская обитель содержится на скудные средства немногихъ жертвователей; въ ней нѣтъ ни громаднхъ церквей съ позлащенными главами, ни каменныхъ корпусовъ для братіи; однимъ словомъ—не видно богатства, но за то видны простыя русскія руки, которыя и поддерживаютъ монастырь въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ, іеромонахи—Прокопій и Лазарь, сыновья почившаго старца Филиппа, своими неунынными трудами и заботами поддерживали монастырь. Слишкомъ тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ почилъ основатель Киновіи, а съ его смертію хотя доходы и стали уменьшаться, но братья-иноки не дали запустѣть святому мѣсту, и доселѣ эта убогая по своимъ матеріальнымъ средствамъ, но богатая по вѣрѣ и духу во Христѣ, Киновія не забывается богомольцами, которые не проходятъ мимо, чтобы не поклониться праху старца-подвижника.

ІЕРОСХИМОНАХЪ ИГНАТІЙ.

Въ 1900 году, Ноября 14, Киновійская обитель понесла глубокую утрату въ лицѣ досточтимаго всѣми уважаемаго старца іеромонаха Галактіона, который за нѣсколько дней передъ своей тихой кончиной принялъ высшій чинъ монашества—схиму. Кто не зналъ, изъ посѣщающихъ эту обитель, старца Галактіона, вся жизнь котораго сложилась для подвиговъ монашества и любви къ ближнему. Болѣе пятидесяти лѣтъ трудился онъ на тяжеломъ поприщѣ иночества. Въ цвѣтѣ лѣтъ оставилъ онъ міръ, оставилъ свою молодую жену, и желая поработать Господу пришелъ къ своему отцу „Филарету“, который въ то время велъ подвижническую жизнь, въ выкопанныхъ имъ пещерахъ, находившихся близъ Геесиманскаго Скита.

Послушникъ Игнатій, такъ звали въ міру старшаго сына „Филаретушки“, вмѣстѣ съ своими братьями Прокофьемъ и Лазаремъ (они въ то время тоже были послушниками) начинаютъ строго-монашескую жизнь. (О пещерной жизни подвижниковъ „Филарета“ и его троихъ сыновей мы сказали выше). Послѣ кончины схимонаха Филиппа (иначе „Филаретушки“) отецъ Галактіонъ, въ то время іеромонахъ утвержденъ Лаврскимъ Соборомъ строителемъ Киновійской, иначе Боголюбивой обители, которая своимъ возникновеніемъ обязана всецѣло и неотъемлемо трудамъ старца „Филарета“ и его сыновей.

Болѣе 25 лѣтъ отецъ Галактіонъ руководилъ вновь созданной обителью; въ трудахъ по управленію помогали ему братья—іеромонахи Прокопій и Лазарь.

За 8 лѣтъ до кончины о. Галактіона, постигло не

малое испытаніе, а такъ-же и его братьевъ: созданная трудами ихъ обитель переходитъ въ управленіе другому лицу. Съ христіанскимъ смиреніемъ и покорностью несутъ братья посланное имъ отъ Бога испытаніе. Досточтимый и любвеобильный старецъ намѣстникъ Сергіевой Лавры священно-архимандритъ Павелъ, цѣня труды и заботы о обители братьевъ—иноковъ въ 1899 году ходатайствовалъ передъ учрежденнымъ Соборомъ о возвращеніи управленія обителью іеромонаху Прокопію, на что и послѣдовало согласіе его Высокопреосвященства митрополита Московскаго Владиміра.

Дни старца Галактіона были уже на закатѣ; болѣзни приковывали его къ кельѣ, Поэтому управленіе Киновійской обителью и перешло къ его брату о. Прокопію.

Болѣзнь старца-подвижника Галактіона все усиливалась и приближала его къ могилѣ. Чувствуя свою кончину, старецъ пожелалъ принять схиму. Обрядъ постриженія въ схиму совершалъ соборне о. Прокопій (По истинѣ трогательна была картина, когда братъ на брата возлагалъ схиму т. е. высшій ангельскій чинъ)... 8 го Ноября было возложеніе на о. Галактіона схимы; при чемъ ему дано было прежнее имя: Игнатій,—а 14-го Ноября онъ скончался. Кончина его была тихая, блаженная. За нѣсколько дней до смерти старца, его соборовали и причащали,

Погребеніе іеросхимонаха Игнатія происходило 18 го Ноября. Обрядъ отпѣванія совершалъ экономъ Сергіевой Лавры игумень Досифей, съ братьями почившаго старца, іеромонахами Прокопіемъ и Лазаремъ и проч. священно-служителями, при умиленномъ пѣніи Лаврскихъ пѣвчихъ, подъ опытнымъ руководствомъ іеромонаха Аарона.

Простой дощатый гробъ съ прахомъ почившаго подвижника, трогательное пѣніе и чтеніе погребальныхъ молитвъ, все это вызывало невольно слезы у присутствующихъ въ храмѣ.

Вотъ дощатый гробъ поднять на рамена священно-служителями, и братіей обители, съ пѣніемъ „Святый

Боже "... при колокольномъ перезвонѣ—быль вынесенъ изъ верхней церкви храма, обнесенъ вокругъ его и внесенъ въ нижнюю подземную церковь, гдѣ съ благословенья Его Высокопреосвященства Митрополита Владиміра, уготовленъ былъ склепъ для почившаго... Іеродіаконъ громогласно провозгласилъ новопреставленному—іеросхимонаху Игнатію „Вѣчную память“ и могила скрыла отъ насъ на вѣки досточтимаго старца, но духъ его невидимо паритъ съ нами...

Его кроткій, чистый обликъ, его тихая, добрая рѣчь надолго запечатлѣлась въ сердцахъ знавшихъ его.

На погребеніе почившаго іеросхимонаха Игнатія собралось очень много народу, какъ изъ посада, такъ и изъ Москвы.

Позади лѣваго клироса, въ подземной церкви, противъ могилы своего родителя схимонаха Филиппа нашель себѣ вѣчное упокоеніе и почившій іеросхимонахъ Игнатій.

Миръ его праху и вѣчный покой душѣ его...



Схимонахъ Филиппъ:
Основатель переръ и Боголюбивой Киновіи, сконч. 14/5 18д1860г.



Іеромонахъ Галактіонъ.
Въ Схимѣ Игнатій. скончался Июля 14 д. 1900 г.



Ієромонахъ Проконій въ Схимѣ Порфирій.